

ТАТЬЯНА КУЗНЕЦОВА, МАЙЯ РАХИМОВА¹

О СТАНОВЛЕНИИ ПАРАДИГМЫ НАРОДНОСТИ: ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ОПЫТ

Абстракт

Авторами статьи обсуждается проблема становления парадигмы народности как философско-эстетической проблемы. В работе предпринимается попытка характеристики сложных процессов (социальных, культурных, общественных), проходивших в Европе Нового времени. Эти процессы рассматриваются как повлиявшие на становление феноменов «народность», «нация», «популярная» (традиционная) культура. Затрагиваются проблемы формирования «среднего класса», его влияния на традиционную культуру, дихотомии «элитарного – низового», коммерциализации и индустриализации.

Ключевые слова

Парадигма народности, нация, популярная культура, традиционная культура.

Проблема «народного» и связанные с этой проблемой понятия вошли в состав понятий и проблем философской и эстетической мысли относительно недавно. Формирование круга идей,

¹ Татьяна Кузнецова – доктор философских наук, профессор кафедры эстетики философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, Россия; Майя Рахимова – кандидат философских наук, доцент Южно-Уральского государственного института искусств имени П. И. Чайковского кафедра социально-гуманитарных и психолого-педагогических дисциплин, Россия.

в рамках которого шло их становление, почти совпадает по времени с периодом утверждения тех форм общения и социальных связей, которые определяют исторический вектор Нового времени и отличают общество Нового и отчасти Новейшего времени от традиционных обществ предшествующих эпох.

В этом смысле «народное» – определение конкретной эпохи, в отличие от таких эстетических категорий, как «прекрасное», «комическое» или «возвышенное», которые не принадлежат какому-то отдельному периоду истории, а представляют собой своего рода универсалии культуры. «Народное» с присущей ему привязкой к определенной эпохе всемирной истории может рассматриваться как модельное понятие, в котором как бы сфокусированы наиболее специфические социокультурные черты эстетического сознания новоевропейского типа, отличавшие его на протяжении, по крайней мере, двух столетий – с середины XVIII вплоть до 80-х годов XX века, когда западная, а чуть позже и российская культура вступает в фазу так называемого постмодерна.

Народность как философско-эстетическая категория, определяющая угол зрения на явления общественной жизни и культуры, и одновременно как ценность (критерий оценки), утверждается в общественном сознании в эпоху Великой французской революции. То есть тогда, когда процесс модернизации принял всемирно-исторический характер и утвердился в качестве магистрального направления мировой истории. Однако интеллектуальные предпосылки и смысловые компоненты этой категории вырабатывались, как много прежде, так и на протяжении всего «века Просвещения», который, как известно, был духовным прологом штурма Бастилии.

Собственно говоря, именно в этом плавильном тигле «новых европейских» событий, реформ, происшествий и вызревала сама идеологема народа как суверенной творческой силы, которая сыграла ведущую роль во всех общественных преобразованиях конца XVIII – начала XX века и без которой, безусловно, невозможно было бы сформулировать проблему народности применительно к культуре.

В раннем английском Просвещении практический мир раннего буржуазного общества присутствует еще в опосредованных формах. Он как бы «зашифрован» в абстрактных персонажах, сочетающих буржуазный принцип общечеловеческого с аристократической идеей «совершенного человека» («джентльмена», «виртуоза» и т.п.). Сохраняется в английском Просвещении конца XVII – начала XVIII века и традиционные подходы к прекрасному (характерно, например, знаменитое учение Шефтсбери о «лестнице красоты», идейно связанной и с античной классикой, и с неоплатонизмом). Однако во французском и немецком Просвещении с середины второй половины XVIII века концептуальные основания эстетического дискурса расширяются за счет несвойственных и даже чуждых эстетической традиции понятий, источником которых является новое понимание человека и истории. Вместе с этим пониманием в философию и эстетику все шире вторгаются конкретные реалии и приметы Нового времени.

В этой связи обращает на себя внимание, прежде всего, модификация традиционной модели эстетической коммуникации. Наряду с кругом «знатоков», «образованным обществом», на которое преимущественно ориентировалось искусство со времен Платона (по крайней мере, это касается «высокого», «ученого» искусства), в суждениях эстетики и художественной критики появляется некая новая «референтная» общность, к которой должно быть адресовано искусство – это «нация».

Уже молодой Вольтер связывает с данным понятием существенные различия во вкусе и направленности эстетического мышления, которые, при всем аристократизме и нормативности его эстетики, он, в сущности, признает как неизбежные и, возможно, даже необходимые (эта необходимость обосновывается, в частности, особенностями быта и языка того или иного народа).

Так, «английская кисть», по мнению Вольтера, ничем не пренебрегает и порою рисует предметы, низменность которых может смутить некоторые другие нации. Англичанам не важно, что сюжет низок, лишь бы он был правдив, тогда как французская

культура, напротив, выше всего ценит изящество, гармонию, «благопристойность действий и стиля».

Конечно, изящный Расин, по мнению Вольтера, в целом «выше» неотесанного «дикаря» Шекспира. Но в искусстве «грубых», не облагороженных куртуазной галантностью народов, можно встретить замечательные по первозданной мощи и выразительности произведения, сила которых для более утонченных наций, возможна, уже не доступна.

«Нация» у Вольтера выступает как своеобразный эстетический субъект. Субъект коллективный, не сводимый к отдельным составляющим его индивидам. Французы (Вольтер отмечает это с горечью) могут увлекаться Шекспиром, а англичане в свою очередь перенимают у них обычаи и моды. Но от этого понятие «английского» и «французского» вкусов не перестает быть реальным. Искусство выступает у Вольтера как достояние наций, а не только отдельных ценителей или их совокупности. В известном смысле, высота художественных достижений определяет достоинство наций. С другой стороны, именно нация создает важнейшие предпосылки художественного творчества и, в конечном счете, формирует особый запрос на искусство.

Аристократический рационализм Вольтера тяготеет к «республике образованных людей». Только в этой «республике» он находится как бы «у себя». Но, утверждая, что «образованные люди» призваны играть особую роль в развитии культуры, Вольтер признает, и то, что в некоторых случаях не «цивилизованность», а именно умение уловить и выразить особенности национального характера и вкуса составляет главный секрет выразительности и притягательности произведения. Правда признание этого у Вольтера чаще допускается как исключение из общего правила. Изящный классицизм французских авторов он принимает и одобряет в целом, тогда, как у Шекспира или Лопе де Вега находит лишь отдельные достойные восхищения сцены, выделяющиеся на общем фоне нагромождения великих страстей, запутанного сценического действия и грубоватой стихии не облагороженного салонным этикетом языка.

Понятие нации как бы объединяло «цивилизованный» и «непросвещенные» слои, хотя при этом «просвещенными» безоговорочно отводилась роль «наставников», а в круг общения с ними обычно допускались лишь те, кто обладал известным благосостоянием и не мог быть причислен к «простой черни». Вместе с понятием нации в эстетику входят вкусы «третьего сословия» с их ориентацией на частную жизнь и безыскусную естественность. Незыблемое со времен античности различие «высокого» и «низкого» теряет свое значение и частично переосмысливается как нравственное различие. В этой ситуации эстетическое сознание постепенно трансформируется в самих своих основах и принципах. Начинается процесс смены парадигмы, кристаллизация нового типа сознания, по-разному идут эти процессы в странах Европы – Франции, Англии, Германии.

Специфическим образом процесс становления парадигмы народности проявился в Британии. В масштабной работе «Popular Culture in Early Modern Europe» английский историк Питер Бёрк¹ отмечает, что в Европе 1500 года популярная культура являлась доминирующей, повсеместно распространенной культурой. Автор уточняет, что под популярной культурой он понимает «культуру обычных, простых людей», культуру «низших» социальных классов. Несмотря на то, что в среде аристократии XIV века существовала отдельная культура «ученых и образованных», или «великая традиция», сама аристократия не игнорировала, а порой даже разделяла «малую традицию» – традиционную культуру основного населения страны.

Данное обстоятельство можно объяснить тем, что социальная и экономическая жизнь средневековой Европы была ориентирована преимущественно на сельское хозяйство, где практически все классы общества жили продуктами земледелия и сельского хозяйства. Материальные ценности и богатства

¹ *Burke, P. Popular Culture in Early Modern Europe. 3rd Edition. London: Routledge, 2009. – AU.*

не играли той роли в экономической жизни средневекового общества, [5, С. 210] которую они будут играть в обществе индустриальном.

С ростом городов экономическая и социальная ситуация кардинальным образом меняется. Характерной особенностью средневековой городской жизни становится появление двух групп населения. К первой относятся бюргеры или члены гильдий, для которых, собственно, и существовали города и которые пытались зафиксировать цены, а также стандарты товарного производства и условия гражданства. Ко второй группе населения следует отнести граждан, занимавшихся международной торговлей. Именно они и сформировали авангард того класса, который впоследствии будет именоваться средним и займет доминирующие позиции в обществе. [5, С. 213]

Итак, две культуры – аристократическая и традиционная – относительно мирно сосуществовали друг с другом вплоть до того момента, когда на политическом горизонте Британии не начала формироваться новая прослойка – так называемый «средний класс» (джентри). Начиная со второй половины XVI века, предприимчивые землевладельцы принимают активно огораживать общинные угодья, чтобы разводить на них овец и торговать шерстью и мясом. В городах развивается мануфактура, укрепляется в правах купечество. Становятся нередкими случаи, когда, приобретая землю, купцы и промышленники покупают вместе с ней и дворянский титул. Следовательно, самостоятельно отчуждают, отделяют себя от неимущих социальных слоев населения. В подобных перипетиях и формируется новая городская буржуазия Британии.

Как считает Питер Бёрк, последующие три столетия становятся свидетелями растущей поляризации между двумя культурами. К 1800 году новая европейская элита приходит к выводу «оставить популярную культуру низшим слоям общества, от которых она (элита) окончательно отделилась в виду глубоких и непримиримых различий в эстетическом и этическом мировоззрении». [3, С. 1] Разрыв между высшими и низшими сосло-

виями Британии породил тогда модное в общественных кругах высказывание о «двух нациях».

Питер Бёрк выделяет два фактора, которые стимулировали изменения в культуре. Во-первых, популярная (традиционная) культура прединдустриального периода была подвергнута внушительной корректировке «сверху», так как пуританское духовенство, равно как и светские деятели эпохи, жаждали кардинальных этических реформ или попросту власти. Во-вторых, в результате проведенных реформ, были сформированы как новое отношение к популярной (традиционной) культуре, так и новый облик данной культуры. Среди принципиально важных преобразований рассматриваемого периода, следует отметить фактор растущей грамотности населения, коммерциализацию общества, формирование городской буржуазии и мелкопоместного дворянства.

Сюда же следует причислить развитие «эстетики нравов», [3, С.1] которая привела к дистанцированию новой элиты от «грубых и неуклюжих» культурных практик, отличающих поведение и манеры низших слоев населения. В качестве примеров, подтверждающих проблему поляризации двух культур, Питер Бёрк приводит ряд исторических исследований о популярной (традиционной) культуре Англии периода XVI – XVIII веков.¹

Так, Кейт Райтсон и Дэвид Левайн фиксируют нарастающую социально – экономическую поляризацию между деревенской элитой и деревенской беднотой Эссекса. В данной местности все чаще заявляют о себе новые разграничения в области образования и религии, в отношениях и манерах поведения. Знатные прихожане, многие из которых входят в пуританскую общину, постепенно отказываются от практик традиционной культуры. Они критикуют ее, пытаются установить новые формы социаль-

¹ В частности, он обращается к работам таких авторов, как Кейт Райтсон, Дэвид Левайн, Роберт Малколмсон, Энтони Флетчер и Джон Стивенсон, Питер Борсай.

ной дисциплины, укрепляющие их собственные позиции в обществе. [7, С. 172,177,181]

Кейт Райтсон отмечает, что в 1680 году бедняки перестают быть просто бедняками, но приобретают отличительный социальный статус, свидетельствующий об их бедности и потому, отделяющий данную прослойку общества от других. Автор отмечает, что в период становления индустриального общества проявления популярной культуры начинают жестко критиковаться представителями новой элиты. Вовлечение нового слоя буржуазии в народные празднества и традиционные религиозные практики считается теперь неприемлемым в виду «непримиримых различий» во вкусовых пристрастиях и уровнях интеллектуального развития. [8, С. 220, 221]

Развивая данную тематику, Роберт Малколмсон заявляет, что именно города, как социокультурные центры, способствовали разрушению сложившейся ранее традиции жизни «на земле». Города заложили и основы социальных, классовых делений внутри общества. Параллельно с развитием стремления отдельных слоев общества подчинять себе остальную часть населения, росла и крепла тенденция отстранения «просвещенного» слоя общества от необразованного, не обладающего эстетически тонким вкусом большинства.

Представители «просвещенного» меньшинства теперь все более враждебно относились к отдельным традиционным «забавам» простолюдинов, в частности, к жестоким видам спорта с участием животных, например, таким как травля собаками привязанного быка¹ и петушиные бои. Чем обосновывалась подобная враждебность элиты по отношению к традиционным «забавам» большинства?

Роберт Малколмсон дает свое объяснение: элита чувствовала угрозу и опасность, исходящую от народных «забав», поскольку понимала, что такие «развлечения» способны стимули-

¹ Популярное в Средние Века зрелище; запрещено в 1835 году.

ровать неуправляемые вспышки массовой агрессии со стороны черни, которые в свою очередь могут привести к масштабным массовым беспорядкам. [4, С. 5, 72, 102, 116, 130 – 131, 136]

Если говорить коротко, то волнение, нервозность и последующее дистанцирование новой элиты объясняются боязнью и нежеланием потерять приобретенные в период социо-экономических перемен блага – новый социальный статус, финансовое благополучие и власть. Чтобы обезопасить себя от возможных вспышек агрессии со стороны малоимущих слоев населения, были предприняты попытки «реформирования» популярной культуры, в частности, в области структурирования и организации досуга. Также была совершена попытка разработки социальной трудовой дисциплины, позволяющей максимально эффективно адаптировать население к условиям индустриального производства.

Исследователи Энтони Флетчер и Джон Стивенсон отмечают, что в результате дистанцирования джентри от бедных социальных классов, определилась серия отличий, направленных на подчеркивание социального и эстетико-культурного превосходства одного класса над другим. Чтобы обозначить разницу в менталитетах, было важно добиться отличий в манерах говорения, ношения одежды, правил поведения в обществе, в сфере проведения досуга, в области литературных запросов. [6, С. 3,10]

Новая аристократия желала иметь поместья и дворцы, ни в чем не уступающие старой потомственной аристократии. [1, С. 285]

Эти притязания нуворишей привели к тому, что их замки были очень сложными по силуэту и плану, слишком напоминали пышную театральную композицию, а в некоторых случаях (замок Ситон Делаваль, Нортамберленд) столь явно тяготели к готике, что напоминали средневековые замки.

Надо заметить, что эти изошренные замки мало подходили для английского климата: жить в них было неудобно, так как зачастую они состояли из одних парадных залов (Чизик – хауз),

но обращение к эстетике средневековья станет специфической чертой английского искусства периода упрочения индустриальной культуры.

Мы видим, что долго время культура преиндустриальной Британии разделялась на высокую (аристократическую) и низкую (традиционную или популярную) культуру. Противостояния между двумя культурами не наблюдалось. Доминирующей культурой признавалась культура популярная (традиционная).

По ходу исторического и социального развития Британии, положение популярной культуры в обществе изменилось, поскольку к власти пришла новая элита, выросшая из низовой социокультурной среды, не являющаяся носителем аристократической культуры по крови, но всячески стремящаяся быть в ряду социальных и культурных верхов общества.

Активно формирующийся средний класс (городская буржуазия) не принимал установок и обычаев популярной (традиционной) культуры по нескольким причинам. Первая причина в том, что буржуазная элита стремилась во всем походить на аристократическую элиту: ей была нужна такая культура, которая отличала бы ее от культуры – прародительницы, то есть популярной культуры. Для того чтобы дистанцировать себя от своего же прошлого, новая элита сознательно подчеркивала неприятие установок популярной культуры, свое отличие от носителей данной формы культуры. Постепенно, не без усилий представителей среднего класса, закладывалось дихотомическое разделение на высокую и низкую культуру.

Вторая же причина заключается в том, что буржуазная элита стремилась охранить свое материальное благополучие от возможных посягательств со стороны необразованного большинства. В связи с этим, предпринимались попытки реформирования установок, традиций и обычаев популярной культуры. Так, некоторые из ранее принимаемых народных забав и игр, особенно зрелищных, объявлялись запрещенными, другие же проявления популярной культуры, наоборот, усиленно поощрялись и спонсировались.

Как правило, к «полезным» играм популярной культуры относили «миролюбивые» празднества, воскресные слушания проповедей и семейные чтения Библии. Постепенно в общественной среде складывался и определенный стереотип восприятия артефактов популярной (традиционной) культуры, благодаря чему формировалась социокультурная лакуна между двумя традициями. Однако уже в первой половине XIX столетия разрыв между двумя «нациями» стал настолько большим, что элита почувствовала необходимость заново «открыть» для себя популярную (традиционную) культуру.

В этой связи были предприняты попытки хроникализации и коллекционирования популярного творчества (песен, сказаний, торжеств), но проблема заключалась в том, что данные артефакты художественной культуры принадлежали уже другому миру, тотально далекому культуре элиты.

Как следует, влияние «среднего класса» на формирование срединной прослойки культуры велико. Причины зачастую были прагматическими или экзистенциальными, но это лишь стимулировало формирование парадигмы «народности» как влиятельной индустриально – ориентированной парадигмы, постоянной, а не временной величины.

Связанная со становлением «среднего класса» коммерциализация общества, открывала новые горизонты взаимодействия с другими формами культуры. Она сделала доступными для пользования те виды деятельности, в частности, досуговые, которые ранее были за пределами досягаемости. Так, сфера издательской и публицистической деятельности претерпела значительные изменения, которые впоследствии способствовали формированию феномена массового читателя.

В этот период печатаются в больших количествах газеты, популярные романы, сказки, баллады; в библиотеках появляются первые абонементы. В период с XVIII по XIX век активно развиваются и становятся элементами индустрии развлечений провинциальный театр и зрелищные виды спорта (конные бега, бокс, крикет). И это несмотря на то, что со стороны элиты были

предприняты отдельные усилия для сохранения театра и конных бегах в качестве исконно элитарных форм досуга.

Другое дело, — Германия. В социальную философию немецкого Просвещения, которое было глубоко не столь революционным, но зато и не столь политизированным, как французское и английское, понятие нации и связанные с этим размышления о народности, вошли в первую очередь под влиянием наиболее демократического крыла общественной мысли, в особенности, — Дидро.

Однако на немецкой почве разговоры о народности, традиционной культуре и о нации с самого начала попадали в иной, более сложный, чем изначально, смысловой контекст.

Его определяла как специфика духовной традиции (если и романтических стран, включая и Францию, ренессансные тенденции преобладали над Реформацией, то в Германии соотношение было, скорее, обратным), так и то обстоятельство, что в немецком языке содержание идеи нации частично перекрывалось другим понятием — «народ» (volk).

Собственно говоря, понятие концептуальная пара «нация-народ» существовала и во французской интеллектуальной традиции. Но там его смысл был несколько иной. Вначале «народ» (peuple) — это просто все те, кто не имел дворянского звания. Позже, в знаменитой «Энциклопедии» констатируется, что банкиры, юристы, литераторы по своему реальному положению и образу жизни отошли от народа, который теперь состоит лишь из крестьян и рабочих.

Таким образом, «peuple» — это просто некоторая часть нации, заданная через существующие социальные различия. В отличие от этого, volk — субстанциальная, в истоках своих природная общность, объединяемая общей судьбой. Народ в известных условиях может стать и становится нацией, но внутренние социальные различия здесь не столь существенны, на первый план выступает общность языка и духовного склада.

Если понятие нации для Франции и Британии постепенно приобретало смысл совокупности индивидов, объединенных

в гражданское общество, то *volk* для Германии — проходящий различные фазы развития коллективный организм, сущность которого получает порой мистическое толкование.

Использование термина *volk* как социально-философского понятия в рамках Просвещения было бы невозможно без той реабилитации «естественной», «природной» жизни (а, следовательно, и «естественных» связей между людьми), которую осуществил Руссо. Но все же он лишь подготовил это использование, сделал его концептуально возможным.

Решающую же роль в формировании специфической категориальной связки *nation — volk* сыграли специфические духовные интенции нероманской Европы, отразившиеся и в особенностях немецкой культуры. При всей общности идеологических посылок Просвещения и тенденции его развития, «природное» имело в Германии, а также в Англии, России и Польше, заметно больше значения, чем во Франции, где искусственная благопристойность классицизма утвердилась уже как национальная традиция.

В социальной философии и эстетике французского Просвещения отношения «нация — художник — искусство» рассматривается преимущественно в плане синхронии. В немецкой философии данные отношения становятся как бы субстанциально историческими, обретают глубинное временное измерение, вне которого вообще не могут быть поняты. При этом формируется особый подход к истории.

При таком осмыслении проблемы она стала приобретать совершенно новые очертания. Прежде «нации» как согражданству могли быть присуще лишь роли коллективного носителя вкуса и воспринимающей аудитории (публики), теперь же «народ» выступает субъектом культуры, а стало быть, и творчества.

Различие между «образованным сословием» и остальными социальными слоями хотя и не исчезает, но теряет характер резкого ценностного противопоставления: «образованное сословие» — не противоположность народу, а его активная часть, возникающая на определенном этапе его истории и наследую-

щая его традиции, хотя и на новой, просветленной разумом, основе.

При этом различные проявления умственной, нравственной и эмоциональной жизни данного народа, вне зависимости, от того, насколько применимы к ним критерии «просвещенности» и «цивилизованности» обретают субстанциальную внутреннюю связь.

Интеллектуальные предпосылки такой постановки вопроса можно найти уже в «общей теории нации» Дж. Вико. Но решающее значение для ее формирования имели работы Г. Э. Лессинга и в еще большей мере И. Г. Гердера. Многие идеи последнего нашли практическое выражение в творческой программе возглавляемого И. Гете литературного движения и общественного движения «Буря и натиск».

Философия истории Гердера проникнута идеей своеобразия различных эпох и цивилизаций, стремлением понять их как целостные культурно исторические миры, вырастающие на определенной национальной почве из переплетения специфических природных условий и культурных традиций.

Благодаря Гердеру в философии, эстетике, литературоведении, художественной критике прочно закрепляются такие понятия как «народная поэзия», «народный поэт», «народное искусство».

Искусство «образованного общества» Гердер рассматривает не как результат открытия «просвещенным разумом» идеальных законов прекрасного, а как результат длительного развития народа и его культуры. В этом развитии народному искусству (народной поэзии) отводится совершенно особое место, которое определяется двумя основными тезисами, принципиально меняющимися не только взгляд на искусство, но, в значительной мере, и сам характер эстетического сознания.

Первый из этих тезисов состоит в трактовке народной поэзии (народного искусства) как некой «исходной формы» поэзии (искусства) вообще. В этом смысле первоначальное творчество народа рассматривается в качестве источника и почвы всякого

художественно-эстетического развития. «Не подлежит сомнению, — писал Гердер, — что поэзия, и в особенности песня была в начале целиком народной... Величайший певец греков, Гомер, является одновременно величайшим народным поэтом. [2, С. 72]

Народная поэзия, по Гердеру, выражает особенности психического склада нации как таковые. Это как бы духовное квинтэссенция: своего рода «архив народов, сокровищница их науки и религии, теогонии и космогонии, деяний отцов и событий их истории, отпечаток сердца, картина их домашней жизни в радости и горе, на брачном ложе и смертном одре». [2, С. 68]

Народная поэзия, народное искусство образуют, «естественную историю своего народа», [2, С. 69] понятую как развитие духовных потенциалов, заложенных в его характере. Из этой поэтической истории мы узнаем не только как народ «разрешал собою править и как давал себя убивать, но и видим, как он мыслил, чего желал и к чему стремился, как он радовался и куда вели его учителя и его собственные склонности. [2, С. 69]

Из народных песен и сказаний «можно, следовательно, узнать его склад мышления, язык его чувств». [2, С. 66] Лучшее произведение (ученого) искусства выросли, по Гердеру, из этих «соков нации». Им, в конечном итоге, обязаны красотой и силой своих произведений все великие поэты — Спенсер, Шекспир и др.

Второе принципиально важное нововведение Гердера — это его отказ от всепоглощающего эстетического универсализма, воспринимавшегося в то время как нечто само собой разумеющееся. Наиболее ценным в эстетическом отношении становится не то, что соответствует абстрактно всеобщим законам гармонии и нормам «правильного вкуса», а своеобразное, своеобычное отражающее не то, что присуще всем, а то, что свойственно данному народу и потому для всех интересное.

Гердер продолжает борьбу демократического крыла французского Просвещения против аристократически изнеженного, жеманного искусства двора и салонов, противопоставляя лож-

ной «возвышенности» их тем и сюжетов безыскусную правду простых человеческих переживаний. При этом в качестве образца простоты и естественности выдвигается народное творчество, говорящее «на языке масс». [2, С. 72]

В 70-80-е гг. XVIII века мотивы народного творчества, наряду с античными, начинают входить в фонд литературных образов и тем (штюрмеры). Одновременно на волне сдвигов в эстетическом сознании начинают формироваться фольклористика. Гердер выступал за бережное отношение к фольклору, и его последователи выступали инициаторами собирания и издания немецких народных песен. Вместе с тем Гердер далек от националистических предубеждений, отделения народов на «исторические» и «неисторические» и соответствующей этому оценке их культуры. Он выступал в частности, за собирание и изучение фольклора русских, поляков, эстонцев, латышей и других народов. [2, С. 3] Во второй половине XVIII века интерес к третируемому ранее как «низкое» народному творчеству начинает пробиваться и в других странах, в том числе и России.

Мы видим, что становление парадигмы народности тесным образом связано с процессами индустриализации, коммерциализации, формирования новоевропейского общества. Популярная культура, как культура большинства, складывалась из повседневной практики людей. С одной стороны, рождалась из жизненных практик, которые характерны для бедных социальных классов, с другой стороны, специально создавалась для них представителями «среднего класса».

Сам средний класс при этом так и оставался средним, то есть не принадлежащим элите и не принимаемым в элитарные круги, социальным классом. Средний класс в известной степени способствовал и укоренению, хотя и в скорректированном состоянии, дихотомии «элитарное – популярное (традиционное)».

Параллельно с процессом социального и экономического развития общества, менялись и эстетические очертания концепта популярной культуры и народности как философско-эстетического принципа.

Опираясь на данные, авторы предостерегают воспринимать народное творчество и популярную культуру как ущербную культуру, зависимую от давления элиты, так как зачастую сами представители элиты с бережностью и уважением относились к народному творчеству, поэзии и артефактам, и пытались сохранять художественные артефакты традиционной культуры. Многие представители высшего общества не просто поддерживали народные празднества, но выступали в качестве спонсоров этих развлечений.

Процессы приятия и неприятия народности, популярной (традиционной) культуры, в свою очередь, отражали сложные процессы в самом обществе Европы, процессы религиозного, социального, политического, философского характера.

Ссылки

1. *Borsay, P.* The English Urban Renaissance: Culture and Society in the Provincial Town 1660 – 1770. Oxford: Clarendon Press, 1989.
2. *Гердер, И. Г.* Избранные сочинения. М., Л., 1959.
3. *Harris, T.* Popular Culture in England, c. 1500 – 1850. New York: St. Martin's Press, 1995.
4. *Malcolmson, R. W.* Popular Recreations in English Society 1700 – 1850. New York and London: Cambridge University Press, 1973.
5. *Маклюэн, М.* Галактика Гуттенберга: становление человека печатающего Пер. с англ. И. О. Тюриной. М.: Академический Проект, Фонд «Мир», 2005.
6. *Fletcher, A. Stevenson, J.* Order and Disorder in Early Modern England. Cambridge, Cambridge University Press, 1985
7. *Wrightson, K. Levine D.* Poverty and Piety in an English Village: Terling, 1525 – 1700. New York: Academic Press, 1979.
8. *Wrightson, K.* English Society, 1580 – 1680. New Brunswick, NJ.: Rutgers University Press, 1984.